

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Рапсодия Богемской

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

СЕМЕЙНАЯ
РЕЛИКВИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.

Д69 Семейная реликвия / Елена Дорош. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-239838-4

Отправляясь в гости к подруге, Котя Яблокова совершенно не планировала становиться героиней криминальной истории. Но в первый же вечер пребывания в Петербурге ее обвинили... в краже бесценного раритета — старинного кокошника. Что оставалось делать? Только постараться вернуть пропажу. Конечно, в одиночку это сделать трудно, особенно если ты ничем подобным раньше не занималась. Хорошо, что рядом оказались братья Черные — Игнат и Ларик. И один из них очень заинтересован в том, чтобы помочь симпатичной соседке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-239838-4

© Дорош Е., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЛИЗОНЬКА БЕЛЕНИЦЫНА

Лизонька жила, ни на что не надеясь. Да и на что надеяться, когда перебиваешься приживалкой у родственников?

Маменька умерла четыре года назад. Папенька после ее смерти тоже не зажился, все тосковал да плакал, а однажды лег спать и не проснулся. Тетушка Аделаида сказала: видно, праведником был, раз Господь легко прибрал. А тетушка Александра, наоборот, заявила: раз умер без покаяния и соборования, значит, грехов на нем немерено. Главным из грехов, разумеется, считалась его женитьба на бесприданнице — дочери дьячка соседней церкви, — из-за чего папенька был лишен наследства и подвизался на мелкой должности в коллегии иностранных дел. На службе его ценили, но ходу карьере не давали. А может, он и сам не стремился, потому что всей душой был привязан к жене Настасьюшке и маленькой дочке.

С детства Лизонька знала, каково это — быть любимой своими родителями, и хоть росла в бедности, никогда о том не сокрушалась и не завидовала родным, что жили несравнимо богаче.

Предназначенное папеньке наследство было поделено между двумя его сестрами — Александрой и Аделаидой. Старшая была удачно выдана замуж за попечителя Академии художеств, родила в браке двух сыновей и считала себя умней остальных. Ну как же! Брат учудил невесть что, а младшая сестра осталась старой девой. Почему? А потому что дурой была и не захотела выйти за отцовского друга, лет на двадцать старше. Все думала, что получше вариант попадетя, все выбирала и губы дула, пока не полезла седина, а женихи не отпали один за другим. Так и осталась при сестре и ее детях. Впрочем, жила не за няньку — их и без того было достаточно — и довольно безбедно, так как Аделаиде принадлежала половина дома, оставшегося после отца.

Так они и поживали, пока не упала им на голову сирота-племянница. До папенькиной безвременной смерти Лизонька видела теток нечасто: на Рождество и на Пасху. В остальное время они не общались, потому и своих кузенов она почти не знала.

Когда же пришлось переехать в большой семейный особняк, то выяснилось, что со старшим из них, Модестом, мирно ужиться не получится. Он сразу стал относиться к ней высокомерно, на-

зывать «Лизон» и при случае щипать, да так, что потом неделю синяки не проходили. Он был всего на пару лет старше, но держался как бывалый и не упускал случая подчеркнуть, что она глупая и необразованная девчонка. Лизонька на него не обижалась, считая оболтусом и шалопаем. Папенька всегда учил ее, что на подобных типов обижаться — себя не уважать. Учился Модест в университете, но по всему было видно, что плохо. Лизонька, которая знала три языка, неплохо рисовала и умела играть на рояле, предпочитала об этом не распространяться: узнай братец, что она куда образованнее его, вообще житья не будет. Такие, как Модест, не терпят рядом тех, кто хоть в чем-то их превосходит.

Младший, Володя, был совсем другого рода. Добрее души Лизонька не встречала. Ему только исполнилось тринадцать, он был по-детски мил, непоседлив и быстро к ней привязался. Она тоже прикипела к мальчику всей душой. Если бы не Володя, не было бы у нее во всем доме близкого друга.

Правда, имелся еще один человек, только о нем не известно ни одной живой душе. Даже Володе. Да она и папеньке с маменькой не решилась бы о нем слово вымолвить. Это была великая тайна.

Звалась тайна Николаем Волховским. Про себя она называла его Николашей.

Волховской учился вместе с Модестом и в доме бывал довольно часто. С первого раза, как Ли-

зонька его увидела, она поняла, что больше никогда и никого не сможет полюбить. Всю нежность, что с рождения копилась в сердце, она без остатка отдала ему.

Вот только ее любимый об этом не догадывался.

Он едва ее замечал, и порой казалось, что даже имени не помнит.

Как ни странно, Лизоньку это не огорчало. То есть огорчало, конечно, но вовсе не потому, что она мечтала быть замеченной, выйти за него замуж и провести рядом весь отмеренный век. Она прекрасно понимала: надеяться не на что. Ей ли, бесприданнице и приживалке, мечтать стать женой графа? Так что пусть лучше он ее не замечает и о безмерной любви не догадывается.

Лизонька была девушкой разумной и сильной характером. Она все понимала, потому смирилась и приняла свою долю: любить, но никогда не изведать ответного чувства.

Однако кое в чем она не могла себе отказать.

Когда к Модесту приходили товарищи, то собирались в гостиной на половине незамужней Аделаиды. Эта комната все равно почти всегда пустовала. Такие же, как она сама, старые девы сиживали обычно у нее в будуаре, да и было их от силы две или три. Просторную гостиную с роялем и мягкими диванами облюбовал племянник. Его гости часто бывали шумливы, родители их веселого времяпрепровождения не одобряли, а вот тетюшка,

напротив, по доброте своей и из желания насолить сестрице была не против посиделок с музыкой и шампанским. Сама она удалялась почивать раненько, часов в восемь, так что молодежь никто не стеснял.

Окна гостиной выходили на застекленную веранду, сидя в уголке которой можно было без помех любоваться Николашей Волховским.

Именно этим Лизонька и занималась. Она тоже жила на половине Аделаиды, поэтому ничто не мешало ей тихонько пристроиться на веранде с каким-нибудь рукодельем и между делом смотреть на свою безнадежную любовь сколько заблагорассудится.

Вот он спорит о чем-то с одним из студентов, вот засмеялся. Больше всего ей нравилось, когда Волховской садился за рояль. Особенно ему удавались вальсы Штрауса. Иногда Лизоньке даже казалось, что Николаша играет специально для нее. Быть этого, разумеется, не могло, но предполагать очень приятно, и Лизонька не могла отказать себе в подобной малости. Ведь то, что для других было сущей мелочью, для нее являлось настоящим счастьем.

Так, за рукодельем, она и просидела всю весну, лето и осень до середины октября.

Наступившие холода лишили ее главного для любящего сердца развлечения и утешения. Вход в гостиную, когда там находились друзья брата, для нее был заказан, а другого способа видеть Вол-

ховского она не придумала. Впрочем, изредка они сталкивались в прихожей или на улице. Николаша здоровался и не глядя пробегал дальше.

Лизонька духом не пала. Просто решила, что станет с нетерпением ждать весны, когда снова можно будет затаиться на веранде и глядеть, глядеть...

Конечно, она понимала, что все это ужасно глупо. Но что прикажете делать, если иных радостей судьба для нее не приберегла?

Родственники, кроме Володи, относились к ней прохладно. Не то чтобы насмехались, нагружали работой или, не дай бог, издевались. Просто не замечали, и все. Как будто даже забывали, что она живет с ними бок о бок. Притом что обедала и ужинала она вместе со всеми, как и ходила в храм. Но тем не менее ей казалось: если бы кто поинтересовался, что это за девушка тут у вас, домашние не сразу вспомнили бы, о ком речь.

Она и сама старалась быть незаметной, но во все не из-за робкого нрава. Просто не видела ни в ком потребности в ее привязанности и сама ее не желала.

Вот если бы она могла окончить курсы гувернанток или на сестру милосердия выучиться, чтобы иметь возможность себя содержать, то тут же покинула бы особняк. Уж больно неуютно в нем. Пусть даже родственники и не виноваты.

Попытка устроиться на курсы, впрочем, успехом до сей поры не увенчалась. Пока муж тетушки

Александры считался Лизиним опекуном, о такой радости нечего было и мечтать. Несколько раз она пробовала заводить разговор то с одним, то с другим, но никто и слушать ничего не хотел. Объяснялось это тем, что ей еще восемнадцати не исполнилось, однако она подозревала, что на самом деле никому не хотелось возиться, хлопотать.

Пусть лучше бродит как тень по дому.

Ну что ж, и на том спасибо.

Лизонька не сдалась, не отчаялась, а продолжала думать и изыскивать возможности. Только когда эта возможность представится, она и предположить не могла.

Новый, тысяча девятьсот первый год наступил, не обещая никаких перемен.

Но на Рождество произошел в их дому необычный случай.

В гости к дяденьке Ефиму Михайловичу пожаловал пожилой господин, которого все называли Константином Егоровичем и привечали необычайно. Сидя в конце по-праздничному накрытого стола, Лизонька глядела во все глаза: уж больно интересным показался ей господин. К тому же очень скоро выяснилось, что фамилия тому гостю — Маковский и является он знаменитым художником. По некоторым фразам Лизонька догадалась, что до последнего времени Маковский проживал в Париже, а недавно вернулся в Петербург. В Конногвардейском манеже готовится выставка, где будет

представлено его полотно «Минин на Нижегородской площади».

После этих слов Лизонька вообще не сводила с гостя глаз. Однажды папенька водил ее на выставку, где среди прочих она увидела и полотно Константина Маковского. Даже названия запомнила: «Поцелуйный обряд» и «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем». Но больше всех ее потрясли две небольшие картины — «Боярышня» и «Боярыня у окна». Художник изобразил красавиц в старинных одеждах. Боже, какими прекрасными ей показались их лица!

Между тем важный гость заметил, что кто-то не спускает с него взора, и посмотрел на замершую в немом восторге Лизоньку. Она поймала его внимательный взгляд и потупилась, покраснев.

— Как тебя зовут, милая? — услышала вдруг она.

Сначала Лизонька даже не поверила, что обращаются именно к ней. Такое нечасто случалось. Она даже головой повертела, не стоит ли кто за спиной. Но нет, лица всех присутствующих обратились к ней.

— Ну, чего молчишь? Отвечай, — строго сказала тетенька Александра.

Лизонька встрепенулась и спокойно сказала:

— Елизаветой, Константин Егорович.

Маковский поднял косматые седеющие брови.

— Ишь ты! И имя мое запомнила!

Удивляется, как будто она умом недоразвитая.

Лизонька выпрямилась.

— Я не только имя знаю, но и работы ваши видела. На выставке.

— Да ну? — повеселел Маковский. — И какая же тебе больше других понравилась?

— «Боярышня», — не задумываясь, ответила она.

— Хороша, правда?

— Очень хороша. А костюм и украшения так тонко выписаны, что лучше и не сделать. Сразу видно, что вы в этом деле знаток. Я про русский костюм говорю.

За столом образовалась такая тишина, что стали слышны перекрикивания воробьев за окном.

Лизонька поняла: родственники пребывают в состоянии крайнего недоумения — вряд ли они догадывались, будто она говорить умеет, — и решила не смотреть на их лица, чтобы не хлопнуться в обморок от смущения. Когда еще ей выпадет побеседовать с великим человеком!

— Тут я с тобой согласен, — кивнул Константин Егорович. — А знаешь ли, почему я столь точен? Уж почитай лет двадцать коллекционирую предметы старины.

— Как это, должно быть, интересно! — искренне восхитилась Лизонька.

— А вот заходи ко мне вместе с дядюшкой и своими глазами увидишь. Приведешь девочку, Ефим Михайлович?

Дядюшка только крякнул.

Вот так бедная Лизонька попала в дом знаменитого художника, где он не только показал ей коллекцию, как говорил, «красивой старины», но и совершенно неожиданно предложил стать моделью для новой картины.

Перепугавшись, она торопливо отказалась, но Маковский был настойчив:

— У меня великосветские дамы по году в очереди стоят. Мечтают запечатлеться. А тебе я сам предлагаю.

— Почему? Я ведь не гожусь. Тут красота нужна, — пролепетала Лизонька.

Маковский развернул ее к себе лицом.

— А ты, выходит, считаешь, что у тебя ее нет? Красоты, то есть?

— Ну...

— Ладно. Считай, что решила рискнуть. А с твоими родственниками я сам договорюсь. Вы ведь возражать не будете, Ефим Михайлович?

Дядюшке ничего не оставалось, как крякнуть во второй раз.

Две недели после первой встречи она исправно являлась, чтобы позировать Маковскому, и это само по себе тянуло на волшебную сказку. Тем паче что жена Константина Егоровича нарядила ее в сарафан, сверху накинула душегрею на меху, на шею привесила ожерелье, а на голову надела невообразимой красоты кокошник.

— Этот кокошник, — поведала ей Мария Алексеевна, — принадлежал любимой сестре царя Пе-

тра Наталье Алексеевне. А она была до красивых вещей весьма охоча. Видишь, каким дивным жемчугом вышит? Не речной, настоящий. А камни? Это подлинные рубины и изумруды.

— Красота неописуемая! — восторгалась Лизонька, рассматривая кокошник.

На себя, впрочем, она любоваться не стала. Нарядили ее, на стул посадили, вот и ладно. Правды ради, она просто боялась, увидев себя в чудесном кокошнике, разреветься от разочарования и стыда. Не ровня она тем красавицам, что Маковский прежде писал. Куда ей, замарашке, с ними в один ряд! Позориться только.

И чего это Константину Егоровичу вздумалось ее моделью назначить?

Ведь не заради того, чтобы посмеяться над сиротой?

Хотя, что греха таить, работать моделью Лизоньке понравилось. Тяжело, конечно, было сидеть, не меняя позы, по несколько часов, но к такому она давно привыкла. А вот наблюдать за работой настоящего художника ей еще не доводилось. Да и вряд ли когда придется. Потому она ловила каждое движение, каждое слово.

Время от времени Мария Алексеевна приходила позвать их к столу. Стесняясь, Лизонька пила чай с вареньем и снова возвращалась в мастерскую.

Наконец ее работа была окончена.

— Теперь я уж без тебя все доделаю, — сказал Маковский. — И раньше, чем закончу, показать не проси.

Показать? Да она вообще на нее смотреть боится! Понимает, что рано или поздно придется, но лучше поздно!

Она думала, что Маковский закончит картину через несколько дней, но ждать пришлось аж до самой Пасхи. Лизонька вся извелась и уже жалела, что не взглянула на картину хоть одним глазком. Знала бы тогда, чего ждать.

И все-таки час показа она пропустила. Вернее, зашла в тот момент, когда родные и многочисленные гости, явившиеся первыми увидеть творение великого мастера, уже плотно обступили картину, выставленную на всеобщее обозрение в гостиной. Ее появления никто не заметил. Лизонька отошла к окну, страхась услышать о себе нелестные слова. Однако все восторгались картиной, талантом художника, неповторимой манерой письма, цветовыми решениями...

И ни слова не произнесли о той, чей портрет разглядывали. Ни единого словечка.

Лизонька стояла ни жива ни мертва и даже не подошла, чтобы на себя взглянуть. На глаза наворачивались слезы, сердце стучало, даже как будто подташнивало, ведь среди зрителей она увидела Николая Волховского, одетого не в обычный партикулярный сюртук, а почему-то в военный мун-

дир. Он тоже смотрел на картину, и по его лицу ничего прочесть было нельзя.

Лизонька не помнила, как очутилась в своей комнате. Не раздеваясь, она бросилась на кровать и забылась болезненным сном.

Ни обедать, ни ужинать она не пошла, оказалась нездоровой. Окна комнаты выходили на парадное крыльцо, поэтому она слышала, как разошлись одни гости и приехали новые, товарищи Модеста. Значит, опять будут разговоры, шампанское, смех.

И снова Николаша будет играть Штрауса. Впервые после долгой зимы.

Господи, спасибо, что и для нее есть утешение в этом мире!

Лизонька привела себя в порядок и тихонько сошла вниз, прихватив начатую вышивку. На веранде, как всегда, никого не было. Усевшись на привычном месте, она достала рукоделье и взглянула в окно гостиной.

Конечно же, он был там. Стал еще выше и краше с зимы. Даже рядом никого не поставить, так хорош. И по-прежнему бесконечно далек от нее, бедной бесприданницы.

Лизонька вздохнула и углубилась в работу.

Володя весь вечер не мог найти Фердинанда. Глупый кот убежал на улицу, пока туда-сюда ходили гости, и не вернулся. Он трижды обошел парк — злобредный Фердинанд не отзывался.

Мальчик почти отчаялся, но тут откуда-то сверху раздалось жалобное мяуканье. Побежав на звук, Володя обнаружил кота на дубе, что рос у самой веранды. Фердинанд сидел на ветке метрах в четырех от земли и дрожал. Ну что было делать? Володя поплевал на ладошки и полез вызволять своевольника.

Забрался он довольно ловко — сказались летние тренировки. Фердинанда засунул за пазуху, где тот сразу затих, но спускаться не торопился. С его ветки был виден кусочек зажегшего вечерние огни Петербурга. Красиво! Ну а если глянуть вниз, то можно рассмотреть гостиную и товарищей брата, на собрания которых Володя не допускался. Модест не раз говорил, что там ведутся серьезные разговоры, слушать которые малолетним не дозволено. Присмотревшись, мальчик увидел молодых людей, которые расхаживали по залу с бокалами в руках, болтали и смеялись.

Какой врунишка этот Модя! Ничего у них и не серьезные разговоры!

Запыхтев, Володя решил, что в следующий раз, когда брат попросит у него червяков для рыбки, нипочем не даст! Пусть своих накопает!

В углу полутемной веранды что-то шевельнулось. Это Лизонька, догадался мальчик. Всегда одна, бедная. Надо завтра сходить к Абрикосову за хорошим мармеладом, тетушка на Пасху как раз рубль подарила. Сестрица страсть как его любит. То-то обрадуется гостинцу!

Из дверей, ведущих из веранды в гостиную, кто-то вышел. Высокий. А... Это Николай. Он добрый. Не гоняет и не дразнится, как другие.

С ветки было хорошо видно, как товарищ брата подошел к сестрице и стал что-то говорить — сначала стоя, потом присел рядом.

Володя уже хотел спуститься, но любопытство удержало. Лиза сидела к нему спиной и не двигалась. Николай все продолжал говорить, а потом вдруг поднялся и встал перед ней на одно колено. Сестра вскочила и бросилась вон, но Волховской удержал. Он еще что-то сказал, а затем вдруг прижал ее руку к губам.

«Что между ними происходит? — недоумевал Володя. — Может, ей помощь нужна?»

Он заторопился и, быстренько спустившись с дуба, поспешил к дому.

Думая лишь о том, что не смог защитить милую сестрицу, Володя ворвался на веранду и увидел, что Лиза стоит, утирая слезы и почему-то смеясь, а Николай все целует ее руки и повторяет:

— Душа моя, душа моя...

Фердинанд выскользнул из его рук и умчался в дом.

Володя не знал, что и думать.

А Николай с Лизой ничего не заметили.

БУХГАЛТЕР ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ КОТЯ ЯБЛОКОВА

Иркутск завалило снегом. Ничего удивительного в том не было, только не каждый год сугробы достигали окон третьего этажа. Котя как раз на третьем жила, поэтому в случае, если дворник Матвей Матвеевич не сподобится прокопать проход от подъезда до дороги, могла выйти из квартиры и смело нырнуть в сугроб. Вчера сосед Мишка, соскучившись по водке, так и сделал. Разделся до трусов, нырнул прямо с балкона и пустился вплавь. И доплыл! А одежонку жена ему сверху сбросила. Мишка снег стряхнул, оделся и рванул в магазин. Конечно, посиди четыре дня трезвым! И не на такое пойдешь!

Коте проделать подобное было бы затруднительно — барахтаться в сугробе в лифчике и трусах стремно. К тому же некому потом одежду сбросить: вот уже два года после гибели родителей она жила одна.